

А. М. КАМЧАТНОВ

СОБЛАЗН Историко-семасиологический этюд

В. В. Колесову

В статье критически исследованы переводы греческого слова *σκάνδαλον* и его производных в разных русских версиях Нового завета и рассмотрены последствия рационализации символического языка священного Писания.

Ключевые слова: Новый завет, перевод, *σκάνδαλον*, соблазн, образ, символ, понятие.

«Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная». Эти слова Пушкина всякий раз приходят на ум, когда читаешь статьи и книги профессора Владимира Викторовича Колесова — следить за ходом его мысли и поучительно, потому что это научная школа высшей пробы, и занимательно, потому что захватывает мысль и движет ее дальше.

В этой статье в качестве приношения коллеге, отметившему недавно 80-летний юбилей, мне хотелось бы дополнить и развить некоторые его мысли относительно базовых ментальных категорий образа, символа и понятия, ибо воплощенное в слове родного языка сознание в разные периоды его исторического существования является темой, в исследовании которой В. В. Колесовым достигнуты наиболее впечатляющие результаты.

Отправной точкой послужат для нас следующие высказывания В. В. Колесова: «Между действием системы образов и действием понятийной системы находится время развития символа — образного понятия. Тогда создавалось положение, при котором в художественном тексте возникала возможность посредством знакомого образа истолковать культурный символ и тем самым п о н я т ь смысл символа, *пре-образ-уя* его в понятие». И далее: «То, что прежде передавалось словом как природные проявления т е л а — в образе-представлении о нем, — стало восприниматься как нравственные требования д у х а — в символическом понимании того же. *Вина* как ошибка в действии стала проявлением виновности; *грѣхъ* как сердечный жар стал обозначением греховности, и т. д. Этические воззрения суть процессы преобразования символических образов в понятия» [Колесов, 2011, с. 123].

Процесс преобразования физического образа в символ для выражения понятия и все проистекающие отсюда следствия для культуры и языка можно

проследить на примере слова *соблазн*. Материалом для последующих рассуждений послужат переводы Евангелий на славянский и русский языки, а также некоторые тексты более позднего времени.

Согласно «Церковному словарю» П. Алексева, *соблазн* «собственно значить претыканіе на пути, отъ чего человекъ иногда упадаетъ [Псал., 48: 14], въ Св. Писаніи наипаче пріемлется за духовное преткновение, за петлю или сѣть, то есть за такія вещи, кои насъ на пути жизни вѣчныя могутъ нѣсколько остановить, и вовсе препятствовать ко спасенію [Рим., 14: 13]; а въ книгѣ великаго Василія о скитахъ, т. е. о пустынножительствахъ, *соблазнъ* есть то, что отводитъ человекъ отъ истины, благочестія къ отступству или заблужденію, или способствуетъ къ назиданію нечестія, или что возбраняетъ повиноваться закону Божию, индѣ значить ересь [Матѣ, 18: 7]» [Алексеев, 1816, 3, 68–69].

Этимологически слово *соблазн* является довольно темным. Согласно наиболее достоверной версии, *соблазн* представляет собой префиксальное образование от праслав. причастия среднего залога **blaznъ*, которое было образовано от основы **blaz-* с помощью суф. *-n-*. «В отношении этимологии наиболее удачно объяснение из и.-е. **bhlag-*, откуда также лат. *flag-rum* ‘бич’» [ЭССЯ, 1980, 2, 106]. Следовательно, будучи причастием среднего залога, *соблазн* номатически означает не ‘ударяющий’ и не ‘ударенный’, а ‘закрывающий в себе угрозу удара’, например, ‘капкан’. Таким образом, физически *соблазн* представлял собой нечто вроде капкана, ловушки, сети, в которые закладывалась приманка и куда мог угодить неосторожный зверь. Однако, согласно данным доступных словарей, ни в говорах, ни в памятниках письменности слово *соблазн* в значении ‘капкан, ловушка’ в русском языке не употреблялось; вероятно, оно все-таки употреблялось, но в столь отдаленные времена, что никаких следов по себе уже не оставило. Тем более следует удивляться проницательности П. Алексева, который в своем толковании уподобил *соблазн* сети или петле, которыми уловляется и останавливается на пути спасения человек. Причиной утраты этого значения стало то, что оно послужило образом для символического понимания тех нравственных препятствий, которые стоят на пути человека к спасению и могут ввести его в грех.

Понятия *соблазна* и греха соответствуют друг другу как причина и следствие, но без жесткой необходимости, ибо между ними стоит свободная воля человека. В. В. Колесов, говоря о *грѣхъ* как сердечном жаре, придерживается традиционной этимологии, то есть возводит к праслав. **grěti*. Она была убедительно оспорена О. Н. Трубачевым, который пишет, что «гипотеза о развитии значения ‘грех’ из первоначального ‘жжет совесть’ есть не что иное, как подстановка христианского значения на место первобытного, что невозможно для слова праслав., т. е. еще дохристианского. <...> Семантика производного **grěšiti* — ‘промахиваться, не попадать прямо’, ‘думать неверно (о ком-либо)’ — помогает выбрать другую этимологию для слова **grěxъ* из числа выдвигавшихся ранее, а именно — от основы со знач. кривизны **groi-so-*, ср. лтш. *grėizs* ‘кривой’» [ЭССЯ, 7, 115–116].

Итак, вначале мы имеем образ ловушки, капкана с приманкой и образ зверя, который, будучи приманенным запахом добычи, делает неверный шаг, буквально грешит и попадает в ловушку; не достигнув цели, он сам становится целью того, кто поставил капкан.

Этот образ становится символом искушения, побуждающего человека совершить неверный поступок в нравственной сфере: тут тоже есть нечто сладостное (= соблазн), что приманивает человека и совращает его с праведного (= правильного) пути, побуждает его сделать неверный шаг (= согрешить); не достигнув цели спасения, он сам делается добычей враждебной силы.

Нет сомнения в том, что слово *соблазн* как символ, как образное понятие возникло в переводных христианских текстах, прежде всего в текстах Нового завета. Здесь это слово, как и производный глагол *соблазнять*, стали эквивалентом греч. σκάνδαλον, σκανδαλίζω. Слово σκάνδαλον родственно санскр. *skandati* 'подскакивать, подпрыгивать, брызгать', *a-skandati* 'нападать, застигать', лат. *scando* 'восходить, подниматься, взлетать' [Boisacq, 1938, с. 870]. Из этого следует, что этимологически слово σκάνδαλον значит 'нечто подскакивающее, подпрыгивающее'. С этой нозмой в греческом языке был отождествлен эйдос капкана, ловушки, западни, d. Falle [Bauer, 1988, s. 1505], который сам стал нозмой эйдоса чего-то побуждающего к греху, отпадению, отречению [Ibid, s. 1505], чего-то побуждающего к греху или вводящего кого-то в грех [Louw & Nida, 1989, I, p. 775].

Примеры употребления слов σκάνδαλον, σκανδαλίζω в Новом завете многочисленны, приведем некоторые из них.

Когда Петр стал уговаривать Спасителя не идти в Иерусалим, где Ему должно было «много пострадать от старейшин и первосвященников», то Христос сказал ему: *иди за мною и жетоно съблазнъ ми еси. ꙗко не мгыслиши ꙗже съхътъ въиѣ и члѣскаѣ* [Мф., 16: 23]. В этом случае именование Петра словами σκάνδαλον — *съблазнъ* выражает одно и то же понимание: Петр — искушение для Иисуса, понуждающее Его отступить от исполнения мессиианской роли, предпочесть царство земное Царствию Небесному (почему Петр назван еще и сатаной). Если Петр понимается как соблазн, а соблазн понимается как обман, ловушка, значит и Петр понимается еще и как обман. Христос не сказал: «Отойди от Меня, Петр!», а сказал: «Отойди от Меня, Сатана!», то есть обратился не к Петру, а к тому духу, который говорил через Петра и который некогда искушал Христа в пустыне царствами земными; и тогда и теперь Иисус отвечает одинаково: «Отойди от Меня, Сатана!». Слово *съблазнъ* и обращение *сотоно* связывают эти два искушения. Иначе говоря, мы имеем здесь дело с подтекстом, поскольку слово *съблазнъ* имеет не только явный смысл, понятный ап. Петру, но и сокровенный, эзотерический смысл, понятный духу злобы; на наличие такого смысла указывает обращение *сатана!* и повтор фразы *ѡπαυε, сатана!*, сказанной диаволу в пустыне [Мф., 4; 10].

Во всей последующей славянской библейской традиции вплоть до русского синодального перевода в этом чтении употребляется слово *съблазнъ*, однако в древнейших старославянских памятниках в других чтениях было в употреблении и прямое заимствование скандаль: *посълетъ снѣчлѣчѣскы анѣлы своѣа. ꙗ съвержтъ отъ црствѣ его въс скандальы. ꙗ творциа беззаконни. ꙗ въврѣжтъ ѿ въ пшть огньнѣ. тѣгда вѣдетъ плауъ и скръжетъ зѣволѣ.* [Мф., 13: 41–42]; в Зогр. и во всей последующей традиции в этом чтении употреблено слово *съблазнъ*, которое в данном контексте обозначает тех, кто соблазнял, прельщал людей, понуждая их сойти с пути праведности.

Забвение образности приводит к преобразованию символа в понятие, и

слово *соблазн* становится термином христианской этики; именно так оно и толкуется в старых словарях.

В Словаре Академии российской это слово ошибочно попало в гнездо «БЛАГО» и было истолковано в соответствии с традицией: «1) Все то, что подает человеку случай или повод впасть в пороки или грехи. 2) Знаменует все то, обо что на пути претыкаются путники, на прим. камень, и проч.» [САР; 1; с. 220]. Весь иллюстративный материал в данной словарной статье взят из Псалтири и Нового завета.

В «Словаре церковнославянского и русского языка» *соблазн* также толкуется традиционно: «Повод ко греху, искушение» [СЦРЯ; 1847; IV; с. 168].

Даль: «Соблазнъ, что соблазняетъ, поводъ ко грѣху, прелесть, искушенье, предметъ вождельнѣя» [Даль; IV; с. 338].

Однако утраченный образ оставляет след в виде эмоциональной и экспрессивной окраски слова, что приводит к изменению его семантической структуры: сема греха, порока уходит далеко на задний план, а на передний план выдвигается сема того, что вожделенно, привлекательно, сладостно. В литературном языке XIX–XX веков употребление слов *соблазн* и *соблазнить* в указанном значении становится преобладающим. Множество примеров можно найти в электронном ресурсе www.ruscorgo.ru, согласно которому обычными становятся такие словосочетания: *соблазн такого легкого остроумия, соблазн невинности, соблазн войти на зарубежные рынки, соблазн экономического роста, соблазн изобрести «теорию всего», ипотечный соблазн, соблазн изменить самоидентификацию, соблазн стать «Западом», соблазн стихотворчества, соблазн подмены понятий, соблазн тотальной виртуозности, соблазн погрузиться в нирвану, соблазн ухмыльнуться, соблазн использовать ядерное оружие, соблазн забалтывать проблему, соблазн зажмуриться на вековой опыт, соблазн заработать на аренде помещений, соблазн снизить тариф, соблазн простых решений, соблазн утаить эту книгу, соблазн сталинизма, безумный соблазн поэтического слова, неопалимый соблазн бесполости, соблазн простодушно-бесстыдной ереси, соблазн подольститься, соблазн запрета мысли, соблазн непослушания, соблазн вольного толкования, соблазн приложиться к коньяку, соблазн больших денег, соблазниться легким заработком, соблазниться революцией, соблазниться на деньги, соблазниться деньгами, соблазниться красотой пирожных, соблазниться деторождением, соблазниться его охотничьими подвигами, соблазниться прелестным предложением, соблазниться дешевизной, соблазниться желанием явиться в Петербург, соблазниться на семейную жизнь, соблазниться административною почестью декана или ректора, соблазниться попыткой просвещать старую Европу светом социалистической революции, соблазниться брошкой, соблазниться мятным пряником, соблазниться техникой, соблазниться демагогией и многие подобные [Национальный корпус русского языка, электронный ресурс].*

Апофеозом безуспешной эмансипации слова *соблазн* от религиозных коннотаций можно считать фразу Леонида Зорина, также найденную нами на просторах ruscorgo.ru: «Да, мир, в котором соблазн греховен, устроен изначально неверно» [Глас народа // «Знамя», 2008].

Изменения в словоупотреблении повлекли за собой изменения в лексикографическом описании: «СОБЛАЗН, -а, м. 1. То, что прельщает, влечет к себе; искушение. 2. Устар. Греховное искушение» [СРЯ, IV, с. 169].

Вероятно, именно забвение исконной религиозной семы стало причиной того, что в новейшем переводе Нового завета под названием «Радостная весть» (далее РВ), изданного Российским Библейским обществом, слова *соблазн*, *соблазнять*, *соблазнительный* вообще ни разу не употребляются и всюду заменены синонимами или описательными оборотами.

Глагол *соблазнить*, устойчиво употребляемый в синодальном переводе (далее СП), заменен на различные слова и словосочетания в зависимости от понимания содержания текста.

Наиболее близким по смыслу в РВ является словосочетание *ввести в грех*:

СП: «Если же правый глаз твой **соблазняет** тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» [Мф., 5: 29].

РВ: «Если твой правый глаз тебя **вводит в грех**, вырви его и отбрось! Для тебя будет лучше, если часть твоего тела погибнет, а не все твое тело бросят в геенну» (См. также: Рим. 14: 13; Рим. 14: 20; Рим. 14: 21).

Такая замена, не искажая в целом смысла, все же ослабляет образность, делает текст одноплановым.

Однако чаще замена слова *соблазн* в новом переводе при понятийной точности приводит к утрате смысловой глубины и эмоциональной составляющей, а нередко и к смысловым искажениям. Соблазн и в прямом значении, и в символическом — это всегда нечто с «двойным дном»: первое «дно» — это что-то привлекательное, заманчивое, сладостное, но за ним скрывается второе «дно» — нечто опасное и даже губительное; и никогда, даже в самых «светских» контекстах, эта двойственность — желанного и опасного — не исчезает.

Переводчики РВ, задавшиеся целью по какой-то причине не употреблять слова *соблазн* и его производные, подбирая понятийные эквиваленты, нередко утрачивали исконную двойственность символа, что, в свою очередь, оборачивалось невозможными смысловыми потерями. Например:

СП: «А кто **соблазнит** одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» [Мф., 18: 6].

РВ: «А для того человека, кто **толкает на грех** хотя б одного из этих людей — простых и малых, верящих в Меня, — было бы лучше, если бы мельничный жернов на шею ему повесили и бросили в пучину морскую».

Здесь утрачено первое «дно» — идея привлекательности, заманчивости того, чем искушает соблазнитель «малых сих». То же и в притче о сеятеле: зерно, падшее на камень, символизирует человека, который «слышит слово и тотчас с радостью принимает его, но не имеет в себе корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас **соблазняется**» [Мф., 13: 21]. В переводе РВ: «... в дни притеснений и гонений за слово тотчас **отступается**». См. также:

СП: «Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от Меня, сатана! ты Мне **соблазн**! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» [Мф., 16: 23] — РВ: «Ты **сбиваешь Меня с пути**»;

СП: «Тогда говорит им Иисус: все вы **соблазнитесь** о Мне в эту ночь, ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы стада» [Мф., 26: 31] — РВ: «Все вы **отступитесь** от Меня этой ночью»;

СП: «Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною. Сие сказал Я вам, чтобы вы не **соблазнились**. Изгонят вас из синагог; даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу» [Ин., 15: 26–27, 16: 1–2] — РВ: «Я сказал это вам, чтобы **вера не дрогнула** ваша»;

СП: «Умоляю вас, братья, остерегайтесь производящих разделения и **соблазны**, вопреки учению, которому вы научились, и уклоняйтесь от них; ибо такие люди служат не Господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву, и ласкательством и красноречием обольщают сердца простодушных» [Рим., 16: 17–18] — РВ: «Прошу вас, братья, остерегайтесь тех, кто вносит разногласия и ставит **препоны** на пути веры».

В следующих чтениях в переводе РВ можно, напротив, наблюдать утрату второго «дна» — идеи опасности, гибельности для того, кто поддался соблазну.

СП: «И, когда окончил Иисус притчи сии, пошел оттуда. И, придя в отечество Свое, учил их в синагоге их, так что они изумлялись и говорили: откуда у Него такая премудрость и силы? не плотников ли Он сын? не Его ли Мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон, и Иуда? и сестры Его не все ли между нами? откуда же у Него все это? И **соблазнялись** о Нем. Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем» [Мф., 13: 53–57]. РВ: «И потому они Его **отвергли**». Здесь совсем нет мотива предостережения об опасности для тех, кто отвергнет Его как Богочеловека. См. также: Мф., 26: 31; Мф., 26: 33.

В некоторых случаях изгнание слов *соблазн*, *соблазниться* ведет к роковым для переводчиков РВ смысловым последствиям. Например:

СП: «И, призвав народ, сказал им: слушайте и разумеите! не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека. Тогда ученики Его, приступив, сказали Ему: знаешь ли, что фарисеи, услышав слово сие, **соблазнились**?» [Мф., 15: 12]. РВ: «Знаешь ли Ты, что Твои слова вызвали **негодование** у фарисеев?».

Негодование отражает лишь сиюминутную реакцию фарисеев на столь явно выраженное Иисусом поправление ветхозаветной законнической обрядности, тогда как смысл того, что эти слова Христа стали соблазном для фарисеев, раскрывается в полноте лишь в перспективе всей евангельской истории: не только эти слова, но и Сам Иисус Христос явился для иудеев соблазном, как об этом и писал апостол Павел: «... мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев **соблазн**, а для Еллинов безумие» [1 Кор., 1: 23], — соблазн потому, что Его слова давали фарисеям сладостное чувство своей правоты, без которой трудно было обвинить Его и предать на распятие, но это-то чувство и явилось ловушкой, гибельной для фарисейства; поэтому Иисус и предупредил своих учеников: «Оставьте их: они — слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» [Мф., 15: 14].

Такое же непонимание глубины символа переводчиками РВ имеет место и в следующем случае.

СП: «Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем **соблазна** — σκάνδαλον ἐν αὐτῷ οὐκ ἔστιν» [1 Ин., 2: 10]. РВ: «Кто любит брата, тот живет в свете и ни обо что **не споткнется**». В Евангелии речь о том, что любящий брата пребывает в свете, то есть он прозрачен, в нем нет затаившейся лжи, значит, он не может быть соблазном, ловушкой для других, никто в нем не обманется. В переводе РВ речь о другом — о том, что любящий брата сам никогда не споткнется, не попадет в капкан. Спрашивается, почему?

Таким образом, замена слова-символа *соблазн* словами с однозначным понятийным содержанием может повлечь за собой невосполнимые, а в иных случаях и катастрофические потери для выражения общего смысла евангельского текста.

В контексте этого рассуждения уместно также сказать о втором явлении слова *скандал* в русский язык: если первое явление в X–XI вв. было неудачным, ибо оно было быстро вытеснено из употребления славянским эквивалентом *соблазн*, то в XIX, начиная с 30-х годов, оно быстро входит в литературный язык из французского языка. Греч. σκάνδαλον было заимствовано латинским языком, как и славянским, при переводе Нового завета; из латыни оно перешло во французский, в котором, освободившись от узкоспециальной богословской среды и попав в новые контексты, приобрело такие значения, как ‘неприличный поступок’, ‘срам, стыд, позор’, ‘огласка’, ‘бесславиe’, ‘возмущение’, ‘шум’.

Традиция перевода слова σκάνδαλον словом *соблазн* идет от славянской Библии, а традиция употреблять слово *scandale* в значениях ‘огласка’, ‘бесславиe’, ‘возмущение’, ‘шум’, прил. *scandaleux* в значениях ‘скандальный; постыдный, неприличный; возмутительный’ идет от французского языка. Совместившись, эти две традиции дали то своеобразное употребление слова *соблазнительный*, которое мы находим у Пушкина:

Зачем у вас я на примете?
 Не потому ль, что в высшем свете
 Теперь являться я должна;
 Что я богата и знатна,
 Что муж в сраженьях изувечен,
 Что нас за то ласкает двор?
 Не потому ль, что мой позор
 Теперь бы всеми был замечен,
 И мог бы в обществе принесть
 Вам **соблазнительную честь**?
 [Евгений Онегин, 1960, 8, 44]

Здесь словосочетание *соблазнительная честь* следует понимать в смысле ‘скандальная слава, известность, репутация’ [Добродомов, Пильщиков, 2008; с. 189]. Этими исследователями было установлено, что в русских текстах Пушкина слова *скандал*, *скандальный* не используются, «а в соответствующих случаях употребляется слово *соблазн*. Если по-французски Пушкин говорит *produire du scandale, faire du scandale*, то в его русских текстах

этим глагольно-именным сочетаниям соответствует сочетание *произвести соблазнъ*» [Там же, с. 194].

Употребление слов *соблазн*, *соблазнительный* в качестве семантического эквивалента франц. *scandale*, *scandaleux* было свойственно не одному Пушкину, оно было обычным для языка 20–40-х гг. XIX века, однако во второй половине XIX века слово *соблазн* в его «французском» значении выходит из употребления, вытесняясь словом *скандал*. Как указывает Ю.С. Сорокин, «в литературном употреблении второй половины XIX в. из слова *соблазн* уже вычитаются те специфические смысловые характеристики, которые закрепляются теперь за словом *скандал*. Слово *скандал* специально принимает на себя выражение чего-либо нравственно предосудительного, всякого случая, вызывающего нежелательную огласку, позорящую участников <...> За словом *соблазн* остаются лишь общее значение искушения и специфический старый смысл этого бывшего „славянизма”: „повод ко греху”» [Сорокин, 1965, с. 135].

И. Г. Добродомов и И. А. Пильщиков не указывают, по какой причине слово *соблазн* не выдержало конкуренции со словом *скандал*; они пишут лишь о том, что результатом конкуренции стала семантическая дивергенция этих слов. Как нам представляется, причиной этого было церковное употребление слова *соблазн* с исконно присущей ему семантической двусмысленностью, то есть чего-то одновременно притягательного и опасного, двусмысленностью, утраченной франц. *scandale*. Иначе говоря, даже гений Пушкина оказался бессилем перед этимологической памятью слова, которая стала препятствием к тому, чтобы слово *соблазн* стало простой заменой *скандала*.

Возвращаясь к нашей основной теме, переводу слов *σκάνδαλον*, *σκανδαλίζω* в РВ, мы можем сказать, что выстроенная В. В. Колесовым схема развития средств познания *образ — символ — понятие*, будучи исторически верной, вовсе не означает, что каждый следующий этап отменяет предыдущий. Каждый из них обладает своими достоинствами и недостатками, и там, где уместен и пригоден один способ, будет беспомощным другой; понять же, какое средство является в данном случае наилучшим, зависит от искусства пишущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bauer W.* Griechischen-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und urchristlichen Literatur. Berlin—New-York, 1988.
2. *Boisacq E.* Dictionnaire etymologique de la langue grecque. Paris, 1938.
3. *Louw J. P., Nida E. A.* Greek-English Lexicon of the New Testament. Vol. 1–2. New York, 1989.
4. *Алексеев П.* Церковный словарь. Ч. 4. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1816.
5. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. Изд. 3-е под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. М., 1909. Репринт: М., 1994.
6. *Добродомов И. Г., Пильщиков И. А.* Лексика и фразеология «Евгения Онегина». Герменевтические очерки. М., 2008.
7. *Колесов В. В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мудрость слова. СПб., 2011.

8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>.
9. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 4. М., 1960.
10. Радостная весть. Новый Завет. Изд. 2-е. М., 2003.
11. Словарь Академии российской. Ч. V. СПб., 1794.
12. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30-90-е годы XIX века. М.–Л., 1965.
13. Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. IV. Изд. 3-е. М., 1988.
14. Словарь церковнославянского и русского языка. Т. IV. СПб., 1847.
15. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 7. М., 1980.

Поступила в редакцию 6.09.2014